

АМЕРИКАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

ПОСЛЕДНЯЯ АТЛАНТИДА. КОНЕЦ НОВОГО ОРЛЕАНА

В воздухе Нового Орлеана всегда висела опасность, особая влажность: от гигантской заболоченной дельты Миссисипи, тяжело дышащей огромной реки, от туманного порта.

Но также и живое облако новоорлеанской культуры, не вписывающейся в законные рамки стерильной американской жизни. Новоорлеанская культура – это упоительная смесь американского Юга (сонные поля плантаций), французского влияния, испанской струи, креольских специй, плавающая в запахе крепкого кофе и сладковатого рома.

Другими словами – самое сексуальное место в Америке.

Таких странных, не совсем «американских» городов в Америке три: Нью-Йорк, Сан-Франциско (в какой-то степени) и, конечно, Новый Орлеан. Другие большие города, хотя, безусловно, интересные и разнообразные, – типично американские: от традиционного патрицианского Бостона до апофеоза небоскрёбов – Чикаго. Историческая Филадельфия с её Колоколом, Ратушей и Декларацией независимости. Вашингтон – форпост Севера и форпост Юга на берегах заросшего тропическими лианами Потомака с плантацией Джорджа Вашингтона на живописном холме. Это – колыбель американской демократии (сталинские государственные дома), а за рекой – бывшая колыбель южного рабовладения, сердце Юга – Вирджиния. Вашингтон пронизан европейским влиянием, европейским дизайном, там много иностранцев (в недалеком прошлом шпионов разных мастей). Это – окно в европейскую культуру, приоткрытое роскошной, фешенебельной Жаклин Кеннеди за время её короткого царствования.

Но вернёмся к уникальным городам Америки.

Все эти три города, Нью-Йорк, Новый Орлеан и Сан-Франциско – гигантские порты. Новый Орлеан – самый большой порт в США и, по статистике, пятый по размеру на всём земном шаре. Любой портовый город, кроме страшных, мрачных, но и влекущих подводных прелестей любого большого города, несёт в себе ещё особую тёмную, мутную вольницу, идущую от океанских ветров, людской портовой текучки. Вспомните знаменитый одесский Порто-Франковский район, место беспешинной торговли, где правил почти не было и где гулял ветер опасности, даже когда ветер с Понта успокаивался.

Наполеон Бонапарт в 1803 году, очевидно, совершил большую ошибку, продав французскую Луизиану, полученную от Испании, правительству Соединённых Штатов. Когда дело для Наполеона стало оборачиваться плохо, закатилось солнце Аустерлица и запахло порохом Ватерлоо, он мог бы основать «Новую Францию» на берегах Миссисипи и Мексиканского залива.

И продал, в общем-то, за бесценок.

Его брат, Люсьен, сообщил приятелю, собираясь в театр в Париже, как бы случайно, о продаже Луизианы Соединённым Штатам – настолько проходящим, временным явлением это было тогда в их сознании. Толчком для Наполеона послужила неудачная кампания подавления восстания в островной колонии Гаити, с гибелью значительного числа французских войск. Гаитяне (был среди них какой-то талантливый командир) с успехом применили тактику партизанской

войны. И Наполеон понимал, что он не может больше оттягивать войска и вооружение на заштатный Гаити и держать гарнизоны в дальней Луизиане перед надвигающейся новой войной с Англией и её союзниками.

В Новом Орлеане, в старинном центре города, названия улиц – английские, испанские, французские. Эти названия менялись в зависимости от того, какой флаг тогда реял над городской ратушей. В своё время в Луизиану бежали от революции, из Вандеи, роялисты, съезжались авантюристы всех сортов и оттенков, останавливались для передышки пираты, поделить и продать награбленное, любители азартных игр и бизнесмены-работорговцы.

Особая история – массовый исход из Канады в Луизиану людей французского происхождения, Сајун. Триста лет тому назад эти люди, в основном бедняки и фермеры, были переселенцами из Западной Франции в Новую Шотландию, в Канаду. В течение многолетней борьбы между англичанами и французами за владение этой частью Канады англичане провели преступное выселение Сајун из Новой Шотландии: часть из них была просто интернирована во что-то вроде охраняемых поселений, часть была отправлена в Англию и оказалась в британских тюрьмах, другие оказались в заморских колониях.

Но постепенно многим из них удалось попасть в Луизиану, где к этому моменту испанцы хотели создать противовес надвигающемуся британскому влиянию. Испанское правительство провинции пригласило франкоговорящих Сајун поселиться в Луизиане. За удивительно короткий срок они восстановили свою культуру, песни, музыку и кухню. Следует сказать, что задолго до этих миграций, еще в Канаде, Сајун смешались с местными северными индейскими племенами, и так создалась новая культура – акадианская.

Многие переселенцы в Луизиану смешивались также с чёрными рабами. Большие партии рабов были взяты в плен другими африканскими племенами, проданы арабам, традиционно, столетиями, профессионально занимавшимся работорговлей, через португальских перекупщиков попадали на Карибские острова и потом – в Луизиану. А нередко – прямоком в Луизиану из невольничьих депо островов Капо Верде у побережья Африки, откуда и происходит изумительная и неповторимая Чезария Евора.

И по сей день треть населения Луизианы – негры, потомки рабов. Новый Орлеан был крупнейшим невольничьим рынком, с широким выбором красивых женщин: чёрных, мулаток. Эта культура смешалась с культурой Сајун и креолов со своим языком (французский диалект), кухней, обычаями, вудуизмом, жертвоприношениями животных.

Как ни странно, в Новом Орлеане всё это происходило до сих пор, подкипало, прикрытое тонкой коростой бетона, пластика и стекла (печально знаменитые Центр конгрессов и футбольный стадион Супердом). Округ Лафайет – и до сих пор франкоговорящая область. Туда стоит поехать, чтобы послушать музыку и попробовать знаменитые острые «зачернённые» креветки, раков, рыбу с перцовым соусом. Креолами считаются жители Луизианы французского или испанского происхождения, горожане – в отличие от крестьян, выходцев из Франции и Северной Канады – Сајун. Поэтому и креольская кухня несколько отличается от крестьянской, Сајун, более тонкими специями и изощренными десертами. Вудуизм, с заклинаниями, змеями и всеми колдовскими атрибутами, приплыл вначале в Карибские джунгли и плантации, а затем – на берега Луизианы из Центральной и Западной Африки.

Новый Орлеан всегда жил мифами, призраками, масками (легендарный фестиваль-карнавал Марди Гра). До недавнего времени по городу водили «сумеречные» экскурсии по «излюбленным местам» привидений и по величественным французским кладбищам.

Выше, вдоль дельты, шоссе пропадает в гигантских ивах и вязах, окаймляющих мощную Миссисипи с прячущимися в зарослях маленькими городками. Они как будто выплыли из пьес Юджина О'Нила, из тягучей прозы Фолкнера, с обязательным маленьким почтовым отделением в центре пыльной площади, как часовой, стоящий на страже федерализма. По реке величественно, но весело проплывает легендарная «Принцесса Миссисипи» (прогулочный корабль), позванивающая фирменными колокольчиками и мерцающая огоньками.

Южная, тропическая бедность – особая, не похожая ни на страшные российские спившиеся пригороды-слободы, ни на кирпичные, зияющие выбитыми окнами трущобы Чикаго, ни на некоторые районы Нью-Йорка, раздробленные рэпом, окаймлённые брандмауэрами брошенных домов с граффити. Южная бедность близка к земле, к снующим насекомым, к переползающим через дорогу в соседние плавни небольшим крокодилам, к кишасей рыбе, прыгающей из воды, к собакам, рыскающим между десятками заброшенных, заржавевших грузовичков, почивших под вековыми деревьями и напоминающих кладбища лошадей вокруг старых каменоломен.

В штатах Луизиана и Миссисипи река испещрена плавучими казино. Люди, заработавшие хоть какие-то деньги, просаживают их в плавучих бессмысленных и безнадежных отдушниках – игорных домах. В барах, повисших между землёй, водой и небом.

В этих местах когда-то, в начале XX-го века, родился черный американский гений, звезда дельта-блюза Роберт Джонсон. Он провёл большую часть своей юности на плантациях, в лагерях вдоль дамбы на реке Миссисипи, где поколениями живёт странный тип людей, переживающий циклы набухания и опадания великой реки.

Об этом речь будет дальше.

Джонсон играл вначале на гармонике, потом – прилично на гитаре и был талантливым интерпретатором песен гигантов раннего дельта-блюза. Согласно легенде, Роберт Джонсон однажды встретил дьявола на дороге в одном из приречных городков и продал душу в обмен на невероятный дар игры на гитаре. В его игре появилось неземное слияние нескольких тем-струн и зазвучала душа южного блюза, как будто кто-то свыше напевал грустную песню о короткой человеческой жизни на берегах большой реки – «Чистилища». С этого момента виртуозность его гитарной игры и слияние блюзового песенного стона с гитарой не были превзойдены. Известна история, согласно которой молодой Эрик Клэптон зашёл к кому-то из приятелей-музыкантов, и тот поставил ему одну из сохранившихся записей Роберта Джонсона, не говоря Клэптону, кто это.

Клэптону показалось, что играет группа из нескольких музыкантов – настолько виртуозным было исполнение.

По описаниям, его «живое» исполнение было совершенно феноменально. Он играл на маленьких площадях городков перед местной аптекой, в угольных складах, в барах, тавернах Среднего Запада и в поселениях между дамбой и рекой, в плавнях. Погиб он совсем молодым, в возрасте двадцати семи лет – говорят, был отравлен ревнивой любовницей.

В августе 2005 года все описываемое оказалось под водой, с небольшими островами суши, на которых царило беззаконие и беспредел. Сухие, жёсткие факты катастрофы таковы. О нарастающем в южной части Атлантики урагане «Катрина» знали заранее. Сначала – категория 2, затем – 3, затем – 4 и 5; потом градус начал несколько спадать. Весь вопрос был в том, куда ударит. Где будет так называемый landfall. На этот раз, как говорят по-английски, попало прямо в «бычий глаз», в центр Нового Орлеана, захватив смертельным вихрем, его протуберанцами, все окружающие городки и селения атлантического побережья.

Ничего особенно нового в этом не было.

Был ураган «Камилла» в 1969 году, страшный, разрушивший множество домов. Говорят, что пожилые люди, пережившие «Камиллу», до сих пор хранили топоры на чердаках в своих домиках. Помня, как приходилось прорубать крышу, чтобы вылезти наверх, спасаясь от неумолимо поднимающейся воды, затопляющей комнату за комнатой. Было знаменитое огромное наводнение на Миссисипи в 1906 году. Был момент, когда неграм пришлось ложиться «штабелями», чтобы создать временную «дамбу», в критический момент сдержавшую напор реки.

Знаменитый Инженерный корпус американской армии сообщал, что новоорлеанские дамбы выдержат ураган третьей категории, а выше – вряд ли. Напомним, что большая часть Нового Орлеана находится заметно ниже уровня океана. И когда гуляешь вдоль Миссисипи, ниже дамбы, по которой идёт прогулочная дорога, или даже с полей, где играют в футбол и бейсбол, нередко

видны мачты проходящих кораблей, выше, над уровнем дамбы. Только Французский квартал и знаменитый, изумительно красивый южный фешенебельный Садовый район находятся повыше, так что вода не может добраться дальше первого этажа.

Всё это было известно. Какие-то планы существовали, но гигантские стратегические решения откладывались, так как вероятность попадания смертельного урагана в центр Нового Орлеана статистически была невелика. Стоит сказать, что средства на перестройку города и укрепление дамб должны быть федеральные, из глубинных запасов, созданных на федеральные налоги. Но инициатива в таких случаях в Америке предпринимается на уровне штата или большого города.

Согласно федеральному устройству страны, штат имеет весьма большие полномочия, свою армию в несколько тысяч человек (так называемые национальные гвардейцы), свою полицию – как у штата, так и у каждого города. Так что это – многие тысячи людей, которые должны следить за порядком и находятся в полном распоряжении губернатора штата и мэра соответствующего города. По конституции Луизианы губернатору штата даются особые полномочия, это практически почти отдельное государство.

Ураган наливался своей кровавой силой, нарастал и, в конце концов, обрушился на город. За несколько дней до этого президент Буш объявил, что это событие национального значения, и все фонды, необходимые для помощи, будут предоставлены. Губернатор и мэр Нового Орлеана объявили обязательную эвакуацию города, и 80% жителей на своих машинах в страшных пробках покинули город.

И вот тут началась трагедия.

В городе остались две категории людей. Одна категория – это неимущие, в основном чёрные, поколениями жившие на пособии по бедности, не имеющие автомобилей, родственников или друзей в других областях страны.

Они составляли примерно 20% населения, то есть около 100 тысяч человек. У этих людей не было никакой возможности выехать.

Вторая категория – небольшая, но существенная: туристы, приехавшие насладиться Новым Орлеаном.

Тут и начался кошмар, связанный с политкорректностью современной Америки и с десятилетиями существования преступной системы welfare, то есть пособия по бедности. Эти пособия, конечно, невелики, но вполне достаточны для того, чтобы как-то прожить. Есть жильё, есть базовое питание, а остальное приходит разными путями. Поколения негров получают пособие, чем больше детей имеет мать, тем большее пособие она получает. Таким образом, эта система сама создаёт вечный двигатель under-класса, со своей культурой, со своими правилами и традициями. Естественно, имеется значительный слой людей, которые постарались выгрести из этой ситуации. Приобрели специальность и какую-то работу. Но на определённый тип личности данная система действует пагубно. Люди живут в своих вэлферных колониях: некоторые части Гарлема в Нью-Йорке, «темные» районы Чикаго, подгнивающие трущобы Нового Орлеана. Из этой системы, welfare, возникает страшный, донный слой люмпенов. Создаются банды (gangs), живущие на зоологическом уровне улицы.

Всё это и осталось в затопленном Новом Орлеане, без средств передвижения, преступно не подготовленных чиновниками городского управления того же цвета кожи. А дальше уже стал действовать закон джунглей: жертвы и хищники, грабящие магазины, отделы с оружием. Напомним, что в Луизиане оружие легкодоступно и легально. В последние годы уровень убийств в Новом Орлеане в среднем был в десять раз выше, чем в других американских городах.

Когда-то Жан-Поль Сартр призывал к «здоровому насилию» чёрных колониальной Африки по отношению к белому «меньшинству». Известно его чудовищное заявление: «Когда чёрный убивает белого, он одновременно убивает и угнетателя, и того, кого он в будущем сам бы стал угнетать». Одна из роковых ошибок, типичных для левых либеральных интеллектуалов. Хорошо известно, что происходит в данное время в бывшей колониальной Африке. Неслучайно и

неудивительно, что преступления обычно совершаются внутри своей же расовой или культурной группы. Известно, что в 1992 году во время мятежей в Лос-Анджелесе чёрные банды громили в основном свои же чёрные районы, поджигая и уродуя здания, взламывая и грабя магазины. То, что произошло недавно в современной самодовольной, назидательной Франции – рабочие районы «cite», разгромленные ублюдками арабского и североафриканского происхождения, в них же и живущими, – только подтверждает это печальное наблюдение.

К великому сожалению, одной из проблем современной американской демократии является вредное, и не совсем понятное, отсутствие готовности говорить всю правду – из боязни обидеть или оскорбить определённую группу населения. Из-за этого возникает постоянное замалчивание, сглаживание углов, и в результате развитая демократия поедает свой собственный хвост. Проблема welfare давно известна, известна исторически вредная роль Демократической партии в поддержании этой системы. И всё же эта тема, в большей степени, в американской прессе является табу. Вспомним, что основная, наиболее влиятельная часть американской прессы – леволиберальная, и в основном находится на обоих побережьях: это, естественно, Нью-Йорк с его «New York Times», журналом «New Yorker», «New York Review of Books», а также «Chicago Tribune», «Boston Globe» и весьма либеральная «Los-Angeles Times» на Западном побережье. О Сан-Франциско и говорить нечего. Это – крайне леволиберальный город с мощным лобби гомосексуалистов.

Леволиберальная пропаганда в полную силу использовала произошедшую драму для иллюстрации расового преступления правительства и американского общества. Однако прежде всего это – катастрофа классовая. Арифметика тут простая: по статистике чёрное население Нового Орлеана составляло 67%. После эвакуации в Новом Орлеане осталось где-то 20% населения, то есть примерно 100 тысяч человек, которые и пострадали – или причинили страдания. Другие 47% – чёрные, которые более или менее вышли в средний класс, – сумели покинуть город на своих машинах и не пережили те ужасы, в которые попали оставшиеся собратья.

Абсолютная неспособность руководства города и штата что-то предпринять была ясна с самого начала. Мэр города Рэй Нэгин, а также начальник полиции (косноязычный тип, подходящий скорее на роль охранника какой-нибудь фабрики, чем на роль шефа полиции огромного мегаполиса), основные члены Совета города – все чёрные, поднявшиеся по бюрократической чёрной лестнице американской политики политкорректности. Губернатор штата – Катлин Бланко, белая, леволиберальный демократ, так же как и сенатор от штата Луизиана.

Вся эта политика более или менее гладко идет своим чередом, как и в других местах, городах и штатах, пока не происходит катастрофа. Бюрократическая система живёт своей скучной, нудной, иногда жадной и воровской вознёй, с бесконечной демагогией политкорректности. А реальный город, реальная область Америки живёт своей жизнью – «бизнес, как обычно». В основном, это – частный капитал, создающий американские богатства и удобства, университеты и колледжи, собирающие богатую жатву из карманов родителей американского среднего класса, но живущие своей культурной, образованной жизнью, окружённые джунглями существ другого вида. Тот же огромный американский средний класс, который является хребтом общества, на свои налоговые деньги ремонтирует дороги, строит здания библиотек, общественных центров – и так далее.

Катастрофа Нового Орлеана, поистине библейских пропорций, может быть, и была непредотвратима. Но пороки современной американской демократии сыграли свою роковую роль. Ползущая, как гангрена, по телу американской демократии политкорректность в каком-то смысле сходна со сталинскими и советскими временами, когда бюрократы поднимались по иерархической лестнице только по причинам кадрового отбора.

Совершенно очевидно, что отцы и матери города и штата по своему калибру, как человеческому, так и руководительскому, не могли оценить размер неминуемой катастрофы и правильно к ней подготовиться. Страшный провал планирования: отсутствие автобусов и вообще любого транспорта, отсутствие какого-либо центра руководства – только подтверждает, что они были совершенно не способны справиться с задачей.

Существует и другая проблема. Как было сказано выше, штат, в каком-то смысле, является юридически самостоятельным государством. Известно, что в первые два-три дня катастрофы губернатор штата Бланко не была готова сложить свои полномочия и отдать их полностью федеральному правительству, что сильно усложнило задачу спасения людей.

Хотя винить федеральное правительство, президента и его кабинет во всём нельзя, но какая-то часть ответственности на них всё же, по-видимому, падает. Неуклюжесть и замедленность реакции отражает основные тенденции окостеневающей американской империи в начавшуюся эру ее заката. Бюрократизацию, византийское усложнение системы инстанций, многосложный и многокомпонентный процесс принятия решений. Хорошо известные печальные признаки. Душок начала разложения системы.

В те дни случались позорные для американской деловитости истории, когда караваны тяжёлых грузовиков, идущих с Севера и со Среднего Запада в Луизиану, везущие медикаменты, воду, пищу, лёд, не получали разрешения на проезд, застревали на границах штатов Джорджия, Миссисипи, Луизиана.

Оказывалось, что у них не было какой-то дополнительной расписки, печати, сертификата, требовавшихся для пересечения тяжёлыми грузовиками границ штата. Водители давали интервью прессе и рассказывали, что по два-три дня они сидели в маленьких городках на границе, проводя большую часть времени на специальных семинарах по «поддержанию политически корректных отношений внутри общин» и по «сексуальному харассменту», а вечером пили пиво в баре.

Всё это – в те самые два или три дня, когда в затопленном Новом Орлеане умирали дети, старики и больные.

Особенно беспокоиться не надо: на два-три поколения, а может быть и дольше, американской системы хватит, но, безусловно, в воздухе глобального американского мегалополиса начинает чувствоваться запах тления, мертвеейшей застойной воды.

Что же будет с Великим Новым Орлеаном, с культурой этого города, которая отличается от всей остальной, мэйнстримной американской культуры? Порт должен существовать. Это один из главных нервных узлов американской промышленности, хозяйства, культуры. Пятый по размеру в мире, основной пункт переброски гигантского количества товаров со Среднего Запада, Юга, Миссисипи, Алабамы, Луизианы к океану и оттуда во все страны мира. Нефть из Луизианы. Туда же, с другой стороны, приходят товары из всех стран мира. Выход в Карибский бассейн, в Центральную и Южную Америку.

В первый раз я попал в Новый Орлеан почти двадцать лет назад. Пошёл пройтись по Французскому кварталу, вышел на знаменитую Bourbon Street – и был потрясён группой четырнадцати-пятнадцатилетних мальчишек, которые играли на каких-то доморощенных музыкальных инструментах. Сила слияния их голосов, точность ритма, профессиональность исполнения совершенно поражали. Этих ребят в России можно было бы выпускать на сцену. В то время как в Новом Орлеане их, очевидно, не впускали ни в один заштатный клуб вдоль Bourbon Street.

Когда ночью гуляешь по Новому Орлеану – тепло, двери в клубы открыты даже зимой, и из каждого бара несётся своя музыка. Dixieland, Cajun, блюз, джазовые группы, комбинация двух-трёх жанров. Это – праздник американской музыки. В каком-то смысле – музыкальный пресловутый американский melting pot.

В один из первых приездов, много лет назад, я попал на концерт В.В. King'a, который вначале поприветствовал тогдашнего (белого) мэра Нового Орлеана, сидящего за одним из обеденных столиков с женой, платиновой блондинкой в длинном бальном платье. Как сказал В.В. King, мэр был его старым другом, много раз вызволявшим его в молодые годы из разных неприятностей в этом склоняющем к неприятностям городе. Новый Орлеан всегда был настоящим домом музыки, карнавала, уличного театра.

Bourbon Street и прилегающие улицы со знаменитыми барами (Pat O'Brians's, например, где подают гигантского размера напитки, сделанные на основе рома – знаменитый «ураган») – не единственное место, где бился пульс этого города. Друзья, жившие в Новом Орлеане много лет, объяснили мне, что есть и другие районы, менее известные и мало посещаемые туристами. Там своя жизнь. Туда мы и рванули как-то раз, ночью, и обнаружили, после некоторого блуждания, у дамбы рядом с Миссиссипи тёмные бары с мерцающими свечами, где играют странное, заводное слияние блюза и музыки Cajun, южный рок типа Lynyrd Skynyrd. После нескольких кружек пива и стопки текилы хорошо пройтись вдоль совсем близко дышащей гигантской тёмной реки.

В тяжёлой листве вязов торжественно застыл роскошный Садовый район недалеко от огромного Католического университета с гордо возвышающимися башенками. Периферийные районы с покосившейся чересполосицей боковых улиц, заселённые, в основном, бедным чёрным населением – те самые районы, которые, по-видимому, навсегда теперь пропали. Оттуда на бандитских жёлтых кэбах подъезжали стайки молоденьких, практически подростков, чёрных проституток.

Французский квартал – один из лучших ресторанных центров в мире. Старинные рестораны, например, «Двор Трёх Сестёр» с джазовым бранчем, плещущим фонтаном, особым ритуалом поджигания ананаса с сахарной корочкой.

В этих заведениях до сих пор сохранились боковые кабинеты, с темноватыми стенами и старинными портретами, для семей знатных потомственных новоорлеанцев. Они ходят в эти места поколениями. Можно увидеть семью, которую встречает, как слуга в поместье, особый официант: от девяностолетнего деда, сошедшего с экрана фильма 30-х годов, до внука или правнука-юнца из колледжа.

Да один трамвай в Новом Орлеане чего стоит! Это настоящий южный трамвай с открытыми окнами, долго идущий вдоль роскошного, широкого бульвара с несколькими рядами вековых тенистых деревьев, окаймлённого изумительными фасадами южных каменных зданий с просторными верандами.

За телевизионным мерцанием, мельканием и шумом вокруг трагедии никто не упомянул о странной культуре так называемых Battures (от французского слова Batture, т. е. дамба). Это целая категория людей, которая живёт вдоль реки за дамбой, вернее, между дамбой и рекой. Живут они в маленьких хижинах, почти как бездомные. Некоторые так жили поколениями. И граница между этим состоянием жизни вдоль реки и переселением на более стабильное жильё в бедные близлежащие районы очень зыбка. Это как бы переливающиеся и меняющиеся состояния.

Новый Орлеан был одним из любимых мест для проведения различных конгрессов, конференций и собраний профессиональных, политических и гуманитарных обществ. Я сам несколько раз выступал в том самом злополучном и зловещем Центре конгрессов, где потом произошли все известные ужасы. Этот современный «Дворец съездов» превратили в жуткое неохраняемое убежище для тысяч людей.

Как оказалось, даже в современном, якобы налаженном, формализованном, сертифицированном, проверенном и т. д. американском обществе близка бездна звериной расправы, насилия и беспредела. Степень беспредела, может быть, и была несколько раздута прессой. Тем не менее, такие случаи, безусловно, были в течение трёх-четырёх дней беззакония: вооружённые банды негров оттаксивали женщин, в том числе маленьких девочек, и насиловали в злополучном Дворце конгрессов и в гигантском крытом футбольном стадионе Супердоме. Известно, что полиция боялась входить в эти два гигантских помещения, а если и входила, то не отвечала на стрельбу вооружённых грабителей. Электричества не было, и влажный, оседаемый, горячий воздух прочерчивали трассы выстрелов. Люди ходили в туалет стайками, держась друг за друга, чтобы не попасть в темноте в лапы к хищникам, не пропасть в одиночку. Старики умирали прямо на каталках, и так и оставались сидеть в чудовищной жаре, пока кто-то не

откатывал или не оттаскивал труп подальше в угол. В эти дни несколько полицейских Нового Орлеана покончили с собой, пустив пулю в голову.

Вот перевод репортажа корреспондента, который провёл какое-то время на печально известном виадуке – хайвее, рядом с Супердомом:

«Рядом были два близнеца трёх месяцев отроду, двухмесячный ребёнок, без воды. Люди размахивали пистолетами. То, что мы видели на виадуке, представить себе невозможно: самоубийства, люди, прыгающие с моста, пожилые люди, которые не могли больше этого вынести. Мертвецы, плавающие в воде под виадуком, весь виадук в страшной вони от кала и мочи. Драки, возникающие на каждом шагу. Люди пытались прыгнуть на любой проходивший мимо военный грузовик – естественно, тщетно. Вертолёты нависали над головой. Они постоянно приземлялись и взлетали неподалеку. Это происходило всю ночь, и спать было невозможно. Было ужасно жарко и влажно. И одна вещь, которую я не могу забыть, – это то, что небо было ясное и было полно звёзд. Было так ясно, и звезды были так близки и ярки, потому что город был совершенно тёмным, ни одного источника электрического света. И всю ночь, всю ночь рыдали дети, плакали взрослые и старики».

Гигантское озеро Порчартрейн нависает над городом, и прорыв дамбы, что и произошло в данном случае, означает, что озеро заливает весь город. Луизиана – это глубокий юг. В воде водятся крокодилы, ближе к океану встречаются акулы и всякая другая приятная живность.

Что же будет с «великим городом Новый Орлеан»? Какую-то часть или даже большую часть города восстановят, но, по-видимому, это будет нечто вроде новоорлеанского Диснейленда, туристской Мекки, каких немало в Америке.

Во всех южных городах имеется значительный процент чёрного населения, в большей или меньшей степени интегрированный в жизнь города. Большая часть чёрных, как известно, мигрировала на Север в период реконструкции страны – в начале и середине прошлого века. И постепенно заполнила окраины, а потом и центры большинства крупных американских городов. Гарлем в Нью-Йорке, когда-то – район среднего класса, еврейского населения Нью-Йорка, районы Чикаго, знаменитый источник городского чёрного «электрического» блюза, некоторые части Филадельфии.

В Новом Орлеане это произошло по-другому. Город, как известно, был крупнейшим центром работоторговли. И по какой-то причине поколения чёрного населения осели там и до XXI столетия живут вокруг невидимого символа невольничьего рынка.

Произошедшая катастрофа согнала дымный дух старинного новоорлеанского порта и Французского квартала, и сейчас город нем, как поднятый со дна затонувший корабль. Помню «Бар Наполеона III» с закопчёнными стенами, старинными портретами, запыленными тёмными бутылками бара. Это – места, которые практически не изменились с тех времён, когда там происходили дуэли на пистолетах между пиратами и авантюристами всех сортов из всех стран мира. Всё это придётся теперь вычистить, осушить, подкрасить, подмазать, починить, то есть, другими словами, дух истории уйдет из этих мест.

На днях в Нью-Йорке в «Русском самоваре» американцы – очевидцы событий в Новом Орлеане – рассказали мне любопытную деталь, не попавшую, как ни странно, ни в один репортаж. Самыми опасными вооружёнными бандами были не те, которые врывались в магазины и брали, что попадёт под руку. А наркоманы, потерявшие какой-либо доступ к наркодилерам. Вся наркотическая культура, огромная и процветающая в Новом Орлеане, была затоплена. Дилеры исчезли. Вооружённые группы наркоманов пытались добраться до заветных сокровищниц аптек и госпиталей города. Становятся понятными случаи открытия огня по вертолётам, которые спускались к госпиталю, пытаясь эвакуировать больных и доставить воду и медикаменты. Естественно, что какая-то часть стрелявших могла это делать просто для развлечения. Но говорят, что в большой степени – это было отчаяние наркоманов, потерявших пульсирующую нить, связывающую их с жизнью. То есть с жизнью от случая до случая, от дозы до дозы.

Последний нереальный образ, который вплывает в забывчивую реальность. Гигантское наводнение смыло, сорвало всю листву со знаменитых вековых новоорлеанских деревьев. Бульвары и боковые улицы Нового Орлеана утопали в этой южной бурной листве, придававшей городу несколько сонное выражение. Теперь листвы нет, древние деревья стоят оголёнными. Вознося к парному бархатному южному небу узловатые суставы голых ветвей.

АМЕРИКАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

ДОРОГА НОМЕР ОДИН

Складская, слободская и пакгаузная,
фабрично-выморочная,
мазутно-газолиновая,
обызвествленная артерия
от ржавых Аппалачей
сквозь бифуркацию тоски
в бескровный тлен пустых мотелей.
И далее везде: в зеленый водоем
бегущих крон, ночных радиоволн
уснувшей Атлантиды,
где в обмороке улиц фосфор
бессонницы, невидимых и днем
перемещенных лиц.

НЬЮ-ЙОРК

Стечение времен, где не находят места
провалы голосов, зияние извне.
Сыреющие дни, под сумрачным навесом
окрестных городов дрожащие огни.

Гниет река и, чествуя начало,
гербарий осени торжественно раскрыт.
Прохладный тлеет парк
над брошенным причалом.
Сочится свет в церковные дворы.

У зеленой – языческие краски,
и статуя корейца на углу
безжизненна. Закат. Витрины гаснут.
День бесконечен. Я тебя люблю.

БРАЙТОН БИЧ

Вот Азнавур с витрины улыбнулся
и Танечка Буланова вздохнула.
В конце косноязычных улиц
текучий горизонт морского гула.

По доскам деревянного настила
идет тоска вселенского укора.
И продают охотничьи сосиски,
косметику, лосьон и апельсины,
из кузова – киндзу и помидоры.

Желто-бордовое, серебряно-литое,
пыль листьев, взгляды спинномозговые,
но пахнет гаванью и перхотью, и хной
от париков Одессы и Литвы.

По вечерам по дымным ресторанам
дробится свет и плаваются эклеры.
Гуляет Каин с Авелем и с Ромой,
вскормленными тушенкой по ленд-лизу,
из тех, кто избежали высшей меры.

Цыгане в блейзерах пьют водку, как хасиды,
все при сигарах, возле поросенка,
лежащего, как труп на панихиде,
и крепко пахнет розовой изнанкой,
купатами и злым одеколоном.

Я пью до трех в бездонном Вавилоне
с сынами Гомеля, Израиля и Риги.
А рядом две реки, но не Евфрат и Тигр,
несут к Востоку нефтяную пену
в безвременный потусторонний мир.

Туда, где занесло соленой ватой
«Титаника» волнистое надгробье,
где вечный шум опережает время,
где вместо побережья тает небо,
и век уже закончился двадцатый.
А мы еще живем его подобьем.

ЯНВАРЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Ветер стих. Зайди за угол, передохни.
Отпускает в груди. Вверху загорается уголь.
Боль стихает. Все одно, куда ни гляди.
На закате: Луга, Бостон, Барт, Анн-Арбор, Калуга.

Дым ложится в затихший окопный Гудзон,
скрывая конечную сущность парома.
Запретить бы совсем, сейчас как пойдут по низам...
Все теперь мастера в ремесле покидания дома.

Размозжи мою мысль, мою речь, эту грусть
на волокна, частицы, впусти в этот город, как влажность.
В общем шуме не слышно, кого назовут,
да теперь и неважно.

Лучше бы помолчать, когда нету и слов,
слушать тающий шум угасания пепла.
Когда смотришь подолгу, Свобода подьемлет весло
и Манхэттен плывет в пионерское лето.

Все смешалось, разъято, позволено, разрешено.
И ползет, как безвкусный озон, безопасная зона.
Все в прострелах мосты под ничейной луной,
и дичает ландшафт, без тени на полгоризонта.

Ветер стих. Зайди за угол. Закури.
Стряхни пепел. Войди, закажи капуччино.
Жизнь безжизненно возвращается на круги.
Остается печаль, как и смерть, беспричинна.

МАЙАМИ

Пластик пальм. «Арт-деко» тарелки неба.
Зубчатый берег, расчерченный в перископе подлодки.
Это – субтропики в буром безумье прибора.
В белых штанах джентльмены удачи встречаются редко,

всё больше на яхтах. Изжога курортного сброда,
биваки ортодоксов у хлорной лагуны бассейна.
Сколько уже поколений бредут из Египта?
В прохладных стерильных коробках гнездятся колена.

«Радио Марти» трубит в свои ржавые трубы,
но ароматны «Кохиба», «Корона», вообще – контрабанда.
Татуированы торсы, проколоты губы,
но вечерами в Майами, как на мид-весте, безлюдно.

Всюду растут метастазы торговых империй
и доживают свой век хиппари и жертвы фашизма,
голуби СПИДа воркуют, потеют хасиды,
спят на верандах с погасшей сигарой солдаты Батисты.

Над Гуантанамо невероятна погода,
там истекает голодным желаньем Гавана.
А на Ки-Вест по-испански болтает команда.
В этих искрящихся водах,
в дали океана
без предупрежденья
огонь открывает
береговая охрана.

ДАЛЛАС

Это было в городе одного убийства,
где дороги дышат густым мазутом.
Парусина неба над чахлым лесом.
Духота, как слизь, даже ранним утром.

Безымянных прерий безмерна зона,
и прогоркла почва, но нефтеносна.
Из низин выдувает память, но
виснут клочья дыма на ржавых соснах.

Далеко до Багдада, и звезд не видно.
Но ночами ясно, что после жизни
так и будет. Угрюмо молчит Отчизна,
да койоты рыщут по балкам гиблым.

Только вдаль пролетят светляки на джипах,
опаленные едким мескитным ветром.

Там зовешь сам себя один до хрипа,
но беззвучным криком на пару метров.

Здесь оружие в чехлах готово к бою
незабвенным правом свободных граждан:
на защиту дома, утоление жажды
и на небо, что нехотя служит кровом.

Там я думал о дальнем, детском праве
на потерю дома, на запах дыма,
на дыханье ночью той, что слева,
вдруг назвавшей мое, засыпая, имя.

СЕВЕРНЫЙ МЭЙН

За Бангором делятся перегоны
как радиоволны, за границу.
А оттуда пахнет хвойным лесом
и эспрессо, и наполеоном.

Пробегают к гибели олени.
Голубика виснет, словно Кольский.
Все плывет на фоне бледно-синем —
ткань мазков глубоких, но не резких.

Брошенные лесоразработки,
домик Легиона в паутине.
Шоферюги пьют, как в Мончегорске,
у костров и поджигают шины.

Тлен. В ничьих садах дичают души,
глубина амбаров пахнет гнилью.
Сыпятся бобровые плотины
и грохочет лесовоз все реже.

«Дизель», «субмарины»*) и «оружье»,
перекресток, лавка и слагбаум.
Дальше от дороги гул все глуше,
тише будет в доме деревянном.

Выйдешь: осень с выдохом морозным.
Чудится, что Фрост
хрустит в лесу, бормочет.

АМЕРИКАНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ, 2005 ГОД. ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ

«Этим утром я приехала в школу,
когда было ещё абсолютно темно.
Висела бело-ледяная луна
с тремя разрастающимися большими кругами
белого пара вокруг неё,
пронизанного несколькими лучами золотого света.
Стихи как-то не шли ко мне, только мысль,
что, может быть, тебе это поможет что-то написать».

*)субмарина – слэнговое название сэндвича на северо-востоке США

«У нас всё очень мирно.
Лук уже прорастает в зимнем саду Даниела,
помидоры, салат, базилик,
а скоро и чеснок тоже поспеет.
Совсем и не чувствуется,
что наступила зима».

«Я снова перечитала твои стихи.
Не могу отделаться от образов
пожелтевшей бумаги, жены в машине,
с письмом в руке от пропавшего мужа,
пустой пивной банки с этикеткой
на неизвестном языке, прибитой к нашему берегу».
«Смотри, всего-навсего через год
всё, что приходит на ум:
дамбы, плавни, болотные протоки,
сухие очереди АК-47, пронизывающие
осязаемый, влажный ночной воздух,
изувеченные трупы у элегантного,
блистающего сталью прилавка Starbucks
с вырванной повисшей кассой и разбитыми витринами.

Гробы, проснувшиеся в склепах
старинного французского кладбища,
медленно плывущие вдоль размытой дамбы
по направлению к океану,
оставив позади
своё временное пристанище».

BATTURES

Ближе к дельте реки вода мутнеет.
Приобретает каолиновый оттенок,
каолин размягчённые скалы эры Миссисипи.
Как археолог, река открывает цивилизации мёртвой листы,
насекомых, упавшие стрелы рыбных скелетов,
пустую банку пива.

Мелкие домашние животные видны у хижин:
собаки, цыплята, иногда ягнёнок.
Собаки единственные, кто перебегает через дамбу в город,
шныряя по задним дворам, прихватывая что придётся
у задней двери приречного бара с джамбалайей,
местными раками (в сезон), имбирным пивом (бочковым).
Толстые закопчённые деревянные стены
с отскакивающими от них смертельными волнами
тяжёлых гитарных аккордов Lynyrd Skynyrd.
Наводнение заливаёт хижины каждый год.
Они разбросаны по руслу реки, и каждый год
заселены – опустошены – вновь заселены.
«Это – как любовь, как любовь», – говорит он вдруг.
Мы слушаем песню баржи,
которая сливается со звоном
вечернего церковного колокола за много миль отсюда.
Они плывут, становясь мягче, мягче, засыпая,
засыпая в бархатном влажном воздухе дельты.

Тут я подумал: это и есть тот предел,
который страшно перейти.
«Ты знаешь, они здесь детей тоже растят», сказал он.

Рождество на Миссисипи
лучшее время года для гуляния по дамбе.
Лучшее время дня,
когда звёзды Вифлеема рождаются во влажности,
спускаются на воду,
дрожат на поверхности и сливаются
с крошечными точечными огоньками
рождественских огоньков на хижинах,
огоньков, бегущих вдоль незримой
медленно, тяжело дышащей реки
в кустах сквозь бесконечную паутину ивовых деревьев.
Намного ниже уровня.
«Battures», сказал он вдруг. «Да-да, вот оно, это слово!
Мы называем этих людей battures».

НОЧЬ В НОВОМ ОРЛЕАНЕ

Я тебя всё равно люблю,
даже когда эта тварь говорит:
«Полегче, полегче, не так сильно».
Солнце, яркое солнце, и болото,
повисший воздух, вода, смешанная с москитами,
смесь, мертвенное густое молоко.

Это было ночью, ночью, пронзенной
невидимыми трассами хищников,
с запахом пролитого автомобильного масла,
спермы, дешёвого дезодоранта, высохшей мочи
на картонных ящиках – вечный тропический дождь.

Тени мелькающих такси, бездомные,
каждую ночь проникающие в следующий слой
бездонной тьмы своей жизни,
чёрные проститутки-подростки,
прилетающие стайками со всего Юга
на неделю-две подработать и обратно,
играть со своими детьми и их игрушками.
В этой ночи нету хищников, только жертвы,
все мы, как-то перебивающиеся, ждущие,
пока не наступит утро, чтобы вместе выпить кофе,
во всяком случае, хотя бы в том же самом городе,
пойти всем по своим делам, играть по правилам,
жить по закону, делать вид, что закон существует.
И вопреки всем правилам: я тебя всё ещё люблю.